

Иске йорт — старая родина

Раиль Кузеев,
член-корреспондент Российской академии наук

Башкортостан — страна тысячи озер. Из них два озера — Асылыкуль и Кандрыкуль — особенные. Они самые большие (площадь зеркала озер 23,5 и 15,6 кв.км), самые глубокие. Оба озера расположены в западной лесостепной и горнохолмистой Башкирии на расстоянии примерно 50 километров друг от друга. Здесь центр Бугульминско-Белебеевской возвышенности, уникального по красоте и природным условиям региона на восточной окраине Великой Русской равнины и на западных подступах к Южному Уралу. Сама возвышенность является водоразделом между бассейнами Белой, Камы и Волги. На Бугульминско-Белебеевской возвышенности берут начало речки, которые, сливаясь друг с другом, текут по всем румбам и впадают на востоке и севере в Белую и Каму (Сухайля, Ашкадар, Стерля, Уршак, Дёма, Кармасан, Чермасан, База, Сюнь, Усень, Ик, Мензеля), на

юге в Сакмару (Саелмыш), на западе в Волгу (Большой и Малый Черемшан, Сок, Кундурча, Кинель). В периоды весеннего половодья речушки и речки вытекают прямо из Асылыкуля и Кандрыкуля. В какую бы сторону ни стекали речки с Бугульминско-Белебеевской возвышенности, все они питают великую русскую реку Волгу.

В Башкортостане, а может быть, и в гораздо более обширной округе, нет озер или иных памятников природы, которые были бы столь плотно окутаны седыми преданиями и легендами, как Асылыкуль и Кандрыкуль. Еще знаменитый Владимир Даль в 40-х годах прошлого века записал среди башкир и в 1843 году напечатал в журнале “Москвитянин” романтическую повесть под названием “Башкирская русалка”. Позднее, особенно в 30-х годах нашего столетия, “повесть” “Заятуляк и Хыухылу” (башкирское название “повести”

Озеро Кандрыкуль. Осенний пейзаж

была записана во многих вариантах. Фольклористы называют “повесть” эпосом, преданием, легендой и даже поэмой. Так оно и есть: это многожанровое произведение, в котором в романтическую и легендарную нить повествования вплетены драгоценные сведения исторической правды. Когда-то в седой древности озерами Асылы и Кандры, с прилегающими к ним горами и долинами, владел “царь воды” (иногда “дингез батшапы” – царь моря). Жил он в малахитовой юрте на дне озера Асылы, которое было соединено подземной рекой с Кандрыкулем. Аксакалы рассказывают, что однажды воин-башкир разгневал “водяного царя” и в полной амуниции вместе с боевым конем утонул в Асылыкуле. Через некоторое время он, уже мертвый, всплыл на Кандрыкуле. У “царя воды” было несколько сыновей и единственная красавица дочь Хыухылу, которая любила по ночам выплывать из озера и, любуясь луной, расчесывать свои длинные черные волосы. В одну из ночей увидел ее Заятуляк, сын башкирского хана Самара (по преданию – падишаха, внука Чингисхана) и влюбился в нее. Однажды молодой и храбрый князь подстерег русалку и обвинил свою руку “шелковой косой русалки”. “Красавица воды” (Хыухылу) ответила ему любовью и “увлекла его в глубокие воды”. Но недолго был счастлив Заятуляк в сказочном подводном царстве. Он – сын земли и башкирского хана Самара – тосковал по земной жизни, по своим воинам, братьям. И тогда мудрый владыка Асылыкуля и Кандрыкуля отпустил принца Заятуляка и любимую дочь Хыухылу на землю. Владыка одарил молодых табунами лошадей, которые с топотом копыт и ржанием вышли из озера вслед за Заятуляком и Хыухылу. Заятуляк вскочил на ожидавшего его боевого коня, посадил перед собой Хыухылу и поскакал на Балкантау (гору Балкан) – на свою родину; Балкантау, земли вокруг до реки Дёмы и далее в степь были, согласно преданию, наследственным владением молодого князя.

На этом месте самое время прервать повествование “Башкирской русалки” и сделать исторические отступления. Кочевники евразийских степей, продвигаясь к северу, выбирали для своих постоянных поселений водоразделы рек – обычно сравнительно небольшие возвышенности. Они были удобны для зимнего выпаса и тебеневки скота; неглубокий снег на возвышенностях позволял держать скот круглый год на подножном корме, а горные долины – укрывать скот в непогоду. Весной кочевники-

скотоводы вместе с половодьем растекались по долинам рек на богатые и разнотравные луга, чтобы глубокой осенью вновь вернуться на зимние стойбища на возвышенности. Обширная Бугульминско-Белебеевская возвышенность, которая простирается от Камы на севере до Оренбургских степей на юге, стала излюбленным регионом расселения кочевников – в эпоху бронзы и железа индоиранских племен, а в эпоху средневековья (видимо, с X–XI вв.) древних башкир. Еще недавно (в 1950-х годах) мне приходилось записывать среди горных (на Южном Урале) башкир исторические сказания, в которых Асылыкуле, долина реки Дёмы упоминались как “Иске йорт”, то есть “старая”, “древняя” родина башкир. В одном из преданий башкир племени бурзян рассказывается о том, что бурзянский батыр-воин, погибший в битве с врагами, погребен в полных доспехах и верхом на боевом коне “на старой родине на Дёме”. “Погребение с конем” – это древнетюркская традиция.

Рассказанное выше – общий фон повествования. Но в эпосе “Заятуляк и Хыухылу” (особенно в передаче В.Даля в “Башкирской русалке”) есть имена людей, названия гор, некоторые сюжеты, которые переносят нас из романтической сферы легенд в область исторических реальностей. Примерно в 20 километрах юго-западнее от Асылыкуля протекает небольшая речушка Ташлы (Каменная), которая весной превращается в бурлящую реку. Здесь долину реки окаймляет жемчужное ожерелье живописных гор – Кямэтау (Гора-лодка), Кара-баш (Черная вершина), Шайтан-сары (место обитания Шайтана – Дьявола), Санай-сары (место обитания богатыря Саная), Караултау (Сторожевая гора) ... Среди этих гор, по описанию В.Даля, “возвышается отдельно и одиноко сахарная голова в 50 сажен и более, известная под именем Балкантау”. Как видим, Балкантау – реальность. На карте континентальной Евразии горы с названием Балкантау, Балкан, Балканские расположены на Мангышлаке между Аральским и Каспийским морями, на Северном Кавказе, Крыму и, естественно, на Балканском полуострове. На территории расселения башкир ороним Балкантау, кроме района Асылыкуль, зафиксирован в Кунашакском районе Челябинской области, где сегодня живут зауральские башкиры. Название “Балкан” распространялось по Евразии вместе с кочевниками-печенегам. Один из самых древних пластов башкирского этноса приаральско-мангышлакского происхождения:

это были печенежско-огузские племена, подвергнувшиеся заметному иранскому влиянию. Именно отсюда, из Хорезмского оазиса принесли предки башкир и татар на новую родину сюжет великого произведения Кул Гали “Сказание о Йусуфе” (“Кысса-и Йусуф”), которое здесь переросло в замечательную поэму. Возможно, там же в Приаралье в “этногенетическом узле” тюркских племен и народов окончательно сложилось древнее тюрко-монгольское сказание о “владыке моря”, о “красавице воды”, которое еще в раннетюркское время зародилось на Байкале, развивалась и обогащалась на Зайсане и других больших водоемах. В наиболее полной и законченной форме эпический сюжет “О дочери моря в степном эпосе” сохранился, по словам известного исследователя Г.А.Потанина, на северной периферии тюркского мира – у башкир.

Вернемся к повести “Башкирская русалка”. Она имеет печальное и трогательное завершение. Счастливо зажили Заятуляк и Хыухылу на горе Балкантау. Но однажды сюда прискакали на горячих конях гонцы: на дальних башкирских землях скончался отец Заятуляка – Самар-хан (его кочевья были раскинуты на реке Самар: русская форма Самара). Началась кровавая междоусобица между братьями Заятуляка. Народ и войско послали гонцов, чтобы Заятуляк принял ханскую власть и успокоил страну. Сорок дней и сорок ночей ждала Хыухылу своего любимого. Но Заятуляк в жарких битвах ошибся в счете дней и прискакал на Балкантау только на 41-й день. Невозможно досказать повесть проникновеннее, чем это сделал В.Даль: “Заятуляк нашел русалку свою на том же месте, где ее покинул, на вершине Балкантау, но она лежала, как василек после покоса. Заятуляк выкопал булатным копьем своим двуложную могилу на вершине Балкана и золотым шлемом своим выбирал из нее землю: положил он в могилу это белое тело девы Асылыкуля, закололся тем же копьем и упал мертвый на верную свою подругу”. В 1957 году, когда я побывал в экспедиции на Асылыкуле, старики башкиры окрестных деревень рассказывали, что на вершине Балкантау до сих пор сохранился могильный холм с каменной обкладкой, который возвели воины Заятуляка. На этом закончилась “романтическая повесть”; башкирский народ “утратил падишахов и ханов своих навсегда, растерялся и разбредся по отрогам и долинам Урала”, покинув свою старую родину “иске йорт”. В XIX–XX веках сюжет “повести” о Заятуляке и Хыухылу или отдельные

фрагменты записаны фольклористами далеко от Асылыкуля: на Южном Урале, в верховьях Белой, в оренбургских степях.

Мой рассказ будет неполным, если я не упомяну еще одну легенду. В ташлинском каньоне у подножия скалистой горы Улутуа (Великая гора) недалеко от Балкантау уютно разместился башкирский аул с тем же названием – Ташлы. Легенда, которую знает каждый ташлинец, включая детей, рассказывает: “В Ташлах у старика и старухи была единственная красавица дочь, добрая, старательная, надежда и любовь родителей. Лунными поздними вечерами она обычно отправлялась с ведрами на коромысле на речку за водой. Однажды “вечер был так тих и прекрасен, месяц светил так ясно, что девушка невольно залюбовалась его блестящим видом”. Красавица горячо влюбилась в луну (на башкирском языке месяц, луна – *ай*, мужского рода). Стремясь быть ближе к любимому, девушка, одевшись в лучшие одежды, украшенные бисером, кораллами и серебряными монетами, каждый вечер забиралась на вершину горы, любовалась лунной и мечтала о том, чтобы родить от него сына – богатыря. Она так привыкла к своей любви, что считала себя невестой (*килен*) луны. Но шли дни, недели, месяцы *ай* (луна) не забирал невесту к себе. Однажды поднялся сильный ветер, черные тучи закрыли луну. Казалось, луна навсегда заслонилась от башкирки красавицы. Далее случилось нечто страшное: то ли ураган снес девушку с вершины горы, то ли она сама от несчастной любви бросилась со скалы вниз, но упало ее бездыханное тело к подножью Улутуа и превратилось в скалу. Скалу эту назвали “Килен-Таш” (Скала-невеста), а ташлинские дети до сих пор находят около нее и между камней вокруг серебряные монеты: кораллы, бисер”.

И снова перенесем внимание от легендарных сюжетов к реальным. Я посетил деревню Ташлы в 1983 году, видел “Килен-Таш”. Это огромная глыба, вросшая в землю; какая часть скалы под землей, сказать трудно. Но что поразительно: “Килен-Таш” со всех сторон испещрен изображением башкирских тамг. В данном случае тамга это родовой (или племенной) знак, символ. Свою тамгу имел каждый род; отдельная семья также образовывала свою тамгу, добавляла к родовой тамге какую-нибудь деталь, удваивая тамгу или, напротив, уменьшая ее. Тамги на “Килен-Таш” наносились острым предметом, которым выскабливали изображение тамги канавкой глубиной 6–7 мм. Тамгами был покрыт не

Долина тамг. Деревня Ташлы Альшеевского района

Тамга на надгробии

Килен-Таш – скала невест

только “Килен-Таш”, но и все близлежащие крупные камни. Оказалось, что здесь целая “долина тамг” длиной примерно 500, шириной 100 шагов. В полевой дневник я занес 210 тамг. Вероятно, их здесь несколько больше.

Откуда известно, что в “долине тамг” изображены башкирские родоплеменные тамги, а не случайные или просто нерасшифрованные знаки? Деревня Ташлы имеет три кладбища. Одно из них старинное; здесь не хоронят уже лет 200. Надгробные камни высе-

чены из плотного известняка. На 17 плитах высечены тамги умерших. Это модификации двух основных тамг. Обе тамги принадлежат роду Яиксыбы-мин, однако одна из них является старинной тамгой племени Канлы-Канлы. Два кладбища действующие. На втором кладбище всего лишь две тамги, как видно, варианты тех же тамг. На третьем кладбище тамг нет.

Как широко распространена традиция высекать тамги умерших на надгробных плитах? Эта проблема недостаточно изучена. Тем не

менее ареал распространения родоплеменных и личных тамг (последние не что иное как детализированные вариации родоплеменных знаков) очертить можно. Они зафиксированы на Мангышлаке, Мугоджарах, на надмогильных плитах башкирских кладбищ Оренбургской области, юго-восточной и южной Башкирии до широты Уфы. Как видно, тамги на камне известны в огромном регионе, охватывающем Аральский и Уральский регионы. Кроме того, они зафиксированы на Кавказе и в Крыму. На Северном Кавказе родовые знаки наносились и на скалы в местах летних кочевков и праздников скотоводов. Некоторые исследователи полагают, что родовые знаки на Кавказе наносились в знак того, что эти пастбища принадлежали данному роду или племени или родоплеменному союзу. Таким образом, традиции нанесения родоплеменных знаков на камень распространена широко, главным образом на путях движения тюрков-кочевников с Приаралья и Мангышлака на Южный Урал, Кавказ, Среднее Поволжье (в том числе Бугульминско-Белебеевскую возвышенность) и в Крым. Это был круг племен печенежско-огузского и позднее кыпчакско-канлинского круга.

И все же “долина тамг” в Башкортостане явление, можно сказать, уникальное. Здесь в один узел взаимосвязаны тамги на скалах Улутуу у деревни Ташлы, тамги на надмогильных плитах на ташлинских кладбищах, удобная для кочевников Бугульминско-Белебеевская возвышенность с древними названиями гор (Балкантау), поразительное переплетение в эпических преданиях мифа, сказки и исторической реальности, тонкие переходы от вымысла к правде и от правды к вымыслу. Но все же нас интригует вопрос: когда же и для чего, с какой целью были написаны тамги в “долине тамг”? Это самый трудный вопрос, поэтому все, что далее сказано, мое и только мое мнение. Бугульминско-Белебеевская возвышенность одно из древних мест расселения башкир на восточной окраине Волжско-Булгарского мира. Однако в конце XIV века после грандиозной битвы в 1391 году на реке Кундурча войск Тохтамыш и Тимура и поражения Тохтамыш, ускорился распад Золотой Орды, а в Волго-Уральском регионе надолго воцарился период смуты, междоусобиц, разрухи. В результате волжские булгары, чуваша, башкиры были вынуждены оставить свою древнюю родину и переселились к северу. Башкиры в XV веке достигли современных северных пределов на землях Пермь

Великой. После падения в 1552 году Казани и присоединения Башкирии к Русскому государству башкиры начали возвращаться на старинные свои земли. Процесс этот затянулся более чем на полтора столетия. На земли в районе Великих озер, Дёмы, Ташлинского каньона возвратились башкиры племени Мин, рода Яик-сыбы-Мин (йорт-тамга; дом-тамга); племени Канлы (кабырга-тамга; тамга-ребро). Позднее на “старую родину” с Южного Урала перекочевали башкиры племен бурзян, юрматы, кыпчак и др. Приведенная в тексте таблица показывает, что тамговые знаки в долине тамг тождественны родоплеменным тамгам башкир на широком ареале их расселения в центральной, юго-восточной и южной Башкирии. На скалах Улутуу, на камне Килен-Таш нанесли тамги башкиры из родов и племен яик-сыбы-мин, уршак-мин, суба-мин, канлы, мунаш-бурзян, сэнкэм и герей кыпчак, тальтим-юрматы, дуван, кудей, киргиз, уран, еней, байлар и других.

Возвращение башкир на старинные земли было одновременно возрождением, хотя и неполным, их “древней родины” – “иске йорт”. Возродились сказания, легенды, предания, словом, историческое сознание, как важнейший компонент этноса. Возродились также йыйыны – народные собрания, которые одновременно были институтами народной демократии и празднествами со скачками, стрельбой из лука и борьбой. Для летних йыйынов невозможно было выбрать лучшее место, чем живописную долину недалеко от Великих озер Башкортостана, седого Балкантау, у подножья священного для башкир Улутуу. Сюда на йыйыны стекались башкиры из близких и дальних аулов, с гор и равнин, из разных племен и родов. Аксакалы и народные сэсэнны – певцы-импровизаторы еще долго-долго, вплоть до XX века помнили, что Асылыкуль, Кандрыкуль, долина Дёмы, Балкантау их “иске йорт” – “старая родина”. “Долина тамг”, таким образом, появилась в XV–XVI веках, тамги продолжали наносить на камень и в XVII–XIX веках. Уходили в небытие годы и столетия; время постепенно стирало многое из прошлого. Но свидетельства и воспоминания о “старой родине”, древние предания и легенды продолжают жить в памяти народа, на скалах и камнях, в фольклорных памятниках, в родословных – шежере, в архивах и книгохранилищах. И суть преемственности поколений заключается в том, чтобы сохранить память об истории народа и передать его детям и внукам.